

DOI: 10.31857/S032103910007714-8

НОВЫЕ КНИГИ О РИМСКИХ ТРИУМФАХ

J. H. CLARK. Triumph in Defeat. Military Loss and the Roman Republic. Oxford: Oxford University Press, 2014. XVIII, 240 p.

Название монографии Джессики Кларк сразу же вызывает в памяти книгу Н. Розенштейна «*Imperatores victi*», много сходного и в тематике обеих монографий, но хватает и различий. Автор задается вопросом о том, что дает нам реакция римлян на поражение для понимания их представлений о победе. В рамках этого анализируются восприятие ими военных неудач, смысл триумфа, оценка сенатом деятельности полководцев и многое другое.

Самое раннее свидетельство «ответа» римлян на военную неудачу — строительство так называемой стены Сервия Туллия после галльского нашествия. Другой случай такого рода — когда после капитуляции в Кавдинском ущелье римляне пошли на заимствования у самнитов в области тренировки, тактики и вооружения армии. Позднее поражения повлекли за собой и реакцию в историографии, однако на это сильно повлияла обстановка того времени, когда создавались соответствующие тексты. Первый известный нам пример, когда мы можем посмотреть на восприятие поражения в современном ему контексте, — речь Аппия Клавдия Цека в изложении Энния. К Первой Пунической войне относятся известные истории с пленением и гибелью Регула и разгромом Клавдия Пульхра при Дрепане (впрочем, неясно, что восходит ко времени событий, а что является плодом позднейшей обработки). Важно то, что римляне не боялись обсуждать военные неудачи. Но начинается свое исследование Кларк со Второй Пунической войны, когда мысль о поражении особенно тревожила римлян, и по-настоящему его презентацию можно проследить именно с этого времени. Завершается же книга 100 г. (фактически 101 г.), взлетом Мария — фигуры, знаменующей переход от II к I в. (разумеется, не только и не столько в хронологическом смысле), а также серьезными изменениями в реакции на победы и поражения со стороны сената и народа. III в. представлен в книге Ганнибаловой войной. II в. Кларк делит на три периода — 200–166, 156–130 и 120–102 гг., десятилетия же между ними не отмечены известными нам поражениями (с. 1–16).

Кларк обращает внимание на различие в отношении греков и римлян к поражению и победе. Так, у эллинов было широко распространено чествование павших (в том числе и в неудачных битвах): надгробные речи, общественные похороны, кенотафы и т.д., у римлян же мы почти ничего подобного не наблюдаем (есть примеры заботы о погибших, но это не то же самое). Памятник в Адамклизе (относящийся, впрочем, уже к имперской эпохе) мог быть поставлен в честь победы, одержанной на месте случившегося при Домициане разгрома. Зато римляне вводили *dies atri* в память о поражениях, да и ритуалы в честь побед, по мнению автора, могли ассоциироваться с ценой победы. Что более важно, у римлян происходит своего рода романтизация поражения, и иногда оно даже становится чем-то вневременным: в экскурсе об Александре Ливий (IX. 19. 9) пишет о народах, не сокрушивших мощь Рима, явно имея в виду не прежних врагов, а будущих, прежде всего Карфаген, прямо заявляя: «Какая битва могла сломить римлян, не сокрушенных ни Кавдием, ни Каннами?» Для римлян поражения были частью их культуры, римской идентичности, предметом постоянного осмысления. Чтобы смягчить горечь военной неудачи, римляне (заметим, далеко не они одни) прибегали к рассказам о чьих-то личных «триумфах», будь то Гораций Коклес во время войны с Порсенной или Регул во время Первой Пунической, и поражение превращалось в идеологическую победу коллектива. В итоге о взятии Рима Порсенной почти забыли, в то же время героические истории о Камилле и Манлии Капитолийском уравнивались преувеличенными представлениями об ущербе, понесенном от галлов, и введением *dies Alliensis*. Разгром порой превращался в предвестие победы, как то было с Каннами, после которых Махарбал предлагает Ганнибалу идти на Рим,

но тот отказывается, упускает победу и выглядит в момент наивысшего успеха отнюдь не выигрышно. Предысторией самого основания Города со временем становится разорение Трои, которая превращается в Рим (с. 25–47).

Далее автор рассматривает реакцию римлян на поражения в ходе Второй Пунической войны. Если в 218–217 гг., несмотря на неудачи при Тицине, Требии и Тразименском озере, царили оптимистические настроения и народ ждал близкого окончания войны, то в 216 г. все меняется — если у Полибия (III. 109. 3) Эмилий Павел накануне битвы при Каннах внушает воинам мысль о победе (читатели, зная будущее, видели в этом скорее мрачный намек на грядущий разгром), то в последующие годы эта линия не найдет развития. После разгрома сенат во многом утратил контроль над ситуацией — союзные общины и северные границы остались без защиты. В то же время мы наблюдаем и энергичные меры сената: он отказывается от переговоров с Ганнибалом, принимает в армию рабов, снижает возраст призывников и т.д. Своего рода демонстрацией стал радушный прием Варрона за то, что он не утратил веры в победу; другим символом такого рода стало поведение апулийки Бусы, которая снабдила уцелевших под Каннами воинов едой и одеждой и тем также показавшей, что не разуверилась в конечном успехе Рима, хотя были и иные настроения (яркий пример — «заговор» нобилей с целью оставить Италию, будто бы раскрытый Сципионом), о которых Полибий, кстати говоря, умолчал. Но были и символы мрачные — жертвоприношение иноплеменников, снятие трофейного оружия с храмов, куда они посвящены после побед над галлами в 220-х годов — «оголенные» святилища стали зримым воплощением бед, обрушившихся на Рим. Немало новаций дали и последующие годы — постоянное переизбрание опытных полководцев, избрание на 210 г. обоих консулов заочно¹, введение новых культов и религиозных празднеств и др. В итоге, хотя Зама и не залечила до конца травмы, нанесенные Каннами, наряду с суровым идеалом смерти вместо бесчестья и отказом от переговоров с врагом укрепляется мысль о том, что поражение — лишь вежа на пути к победе, и после него необходимо предпринимать новые усилия для ее достижения (с. 50–93).

Рассматривая события второй трети II в., Кларк отмечает гибкость политики сената, который стремился не начинать войн там, где они уже, по его мнению, закончились, и мог отозвать и даже наказать командующих, нарушавших стабильность в таких районах (Бебий Тамфил в 199 г., Фурий Крассипед в 187 г. и др.). В 180 г. Цетегу и Бебию триумф был дарован и вовсе за бескровную победу. Эту почесть *patres* старались назначать только за успехи, приводившие к завершению того или иного конфликта, причем триумф за победы над народом, над которым он был уже недавно отпразднован, зачастую не декретировался; впрочем, то считать законченной войной, оказывалось не просто, учитывая вольное отношение римлян к географическим понятиям (например, что считать Лигурией?). В качестве паллиативного варианта назначались оvationi. Если же военачальники терпели поражения, их обычно не отстраняли, а давали им возможность взять реванш, и это не раз приносило неплохие результаты (в Испании Эмилий Павел в 190–189 гг., Кальпурний Пизон и Квинций Криспин в 184–183 гг.)².

Венцом римских успехов первой трети II в. стал разгром Персея и пышное празднование победы Эмилия Павла над ним после неудач начального периода Третьей Македонской войны — первый настоящий триумф после 175 г. Он означал окончание не только серии больших войн на Востоке, но и периода гибкой политики сената, старавшегося помешать не в меру честолюбивым полководцам разжигать бессмысленные войны и при этом не смещавшего многих потерпевших поражение военачальников, давая им шанс превратить фиаско в победу (с. 94–133).

Довольно скоро положение начинает меняться. В конце 150-х годов обстановка в Риме была беспокойной, приметами чего стало разрушение первого публичного театра, обвинение матрон Публилии и Лицинии в отравлении мужей, а Корнелия Цетега — в *stuprum* в отношении свободнорожденной женщины, и т.д. На их фоне начинаются неудачи в Испании, Третья Пуническая и Ахейская войны, вторжение Андриска в казавшуюся замиренной Македонии. Меняется и реакция римлян на поражения, мрачным символом которой становятся руины Карфагена и Коринфа. Это наглядное свидетельство того, что четвертой Пунической и второй Ахейской войны уже не будет, но достигнут такой результат был неслыханно жестокими методами. Если же смотреть в более широкой перспективе, то речь шла о том, что в Средиземноморье на смену множеству славных древних городов приходит «один центр власти и истории» (с. 134–146).

Показательным примером перемен стали войны в Испании. Военачальники терпели поражения, в нарушение договоров нападали на мирные города и устраивали там резню ради обогащения (Лукулл, Гальба), полководцы не раз прибегали к такой варварской мере, как отсечение рук пленным, а граждане

¹ М. Клавдия Марцелла и М. Валерия Левина (Liv. XXVI. 22. 13).

² Правда, если Пизон и Криспин получили триумф, то Павел, похоже, в тот раз его не добился (с. 122).

уклонялись от службы в испанских армиях. На фоне жестоких, алчных и неудачливых римлян весьма выигрышно выглядел доблестный и бескорыстный вождь лузитан Вириат. Изменяется и политика сената: если поначалу он оставляет безнаказанными «подвиги» Гальбы и Лукулла, в нарушение договоров разжигавших новые войны, то уже через несколько лет побежденный Вириатом Плавтий попадает под суд и отправляется в изгнание (первый случай после III в.). Однако с поражениями Кларк его не связывает (см. ниже). Сенат ждал от военачальников побед, которые привели бы войну к завершению, в то же время обжарив внимание на то, был ли достигнут успех средствами, достойными римлян. В этом отношении показательна история с убийством Вириата, вызывающая в памяти сюжет с отказом римлян от услуг врача, предлагавшего отравить Пирра, — о триумфе Цепиона, организовавшего убийство лузитанского вождя, в источниках сведений нет. Сомневается Кларк и в триумфе Брута Галлекийского, причастного к неудачной и запрещенной сенатом войне против ваккеев, за которую консул Лепид Порцина и вовсе был отстранен от должности и осужден (с. 147–163).

В Кельтиберии в 141 г. начинается череда поражений, причем Квинт Помпей пошел на мир с нумантинцами вопреки римской традиции не одержав над ними победы, не говоря уже о капитуляции Гостилия Манцина. Сципион Эмилиан завершил войну, однако омрачил победу тем, что прибег к варварским методам (отсечение рук юношам из Лутии), да и само падение Нуманции стало результатом не открытого сражения, а осады, когда неприятеля просто принудили к сдаче голодом. Примечательно, что триумф над Нумантией получил очень слабое отражение в нашем главном источнике — Аппиан пишет о нем лишь в связи с тем, что Сципион провел только 50 пленных нумантинцев. На его восприятие могла повлиять и обстановка в Риме и Италии (прежде всего убийство Тиберия Гракха). «Без противовеса в виде примет победы — благодарственных молебнов, посвящений храмов, оваций и триумфов — рассказ о двух десятилетиях войн в Испании выглядит в основном как цепь дурных деяний. Триумф, завершивший Нумантинскую войну, не сможет стереть до конца поражений предшествующих двух десятилетий» (с. 169). 140–130-е годы продемонстрировали возросшую жестокость римлян и их склонность к методам, которых они раньше не применяли, хотя Риму ничто всерьез уже не угрожало. Важнейшую роль в ведении ими войны начинает играть устрашение, причины чего Кларк усматривает в возросшем внимании римлян к цене и последствиям конфликтов. В условиях неудач нужны были как козлы отпущения, так и «спасители», что обуславливало «индивидуализацию» побед и неудач, громкие скандалы и процессы над проигравшими (с. 164–171).

Нелегко далась и победа в войне с Аристоником, достигнутая среди прочего и такими недостойными методами, как отравление колодцев, триумф над Азией состоялся лишь в 126 г. И хотя в дальнейшем римляне продолжали побеждать — на Балеарах, Сардинии, в Далмации (новые триумфы словно противопоставляются первым вспышкам *bella civilia*), — необходимость этих войн вызывала сомнения³, а щедрость, с которой сенат раздавал за победы в них триумфы, могла принести больше вреда, нежели поражения: Евтропий (IV. 25), рассказывая о триумфах братьев Метеллов над сардами и фракийцами, тут же пишет о вторжении кимвров в Италию, т.е. пока празднуются победы над второстепенными врагами, центр *res publica* оказывается под ударом. При этом происходит своего рода монополизация триумфа отдельными влиятельными фамилиями: 5 триумфов из 11 за 121–107 гг. справили Метеллы⁴, 3 — Эмилии и сын Фабия Эмилиана. В 110-х годах начинается новая полоса неудач, однако процессы над весталками и новые человеческие жертвоприношения вряд ли были с ними связаны, поскольку на тот момент (114 г.) еще не произошло ничего экстраординарного — скорее речь шла о подтверждении контроля сената и понтификов над публичными проявлениями религиозных страхов (с. 172–186).

Поражения стали более частыми, чем победы, в начале 100-х годов. В связи с капитуляцией Попилия Лената после разгрома и гибели Кассия Лонгина в 107 г. первого обвинили в том, что он сдался, предпочтя жизнь почетной (хотя и бесполезной) гибели. Это явно свидетельствовало об утрате римлянами той гибкости, которая была им присуща прежде, когда они сталкивались с поражениями, а «дилемма Попилия» и его выбор стали предметом controversий уже в «Риторике для Геренция», не говоря о более поздних авторах. Чуть раньше происходят суды над сторонниками мирного урегулирования в Нумидии — не за поражения, а за мнимую отсрочку со стратегическим решением и использованием патронатных связей в Нумидии. Куда более трагической стала судьба префекта Ваги Турпилия, уцелевшего после восстания нумидийцев в этом городе и казненного по решению военного суда.

Признаком важных перемен стал триумф Метелла Нумидийского, который получил его наряду с агноме ном за незаконченную еще войну. Этот триумф являлся, по мнению Кларк, не

³ О далматах Аппиан (*Иллр.* 11. 33) прямо говорит, что они не совершили «ничего несправедливого», Метелл просто хотел получить триумф (с. 179).

⁴ Очевидно, 5-м (и 11-м по общему счету) является триумф самого Метелла Нумидийского (см. Itgenshorst 2005, 269).

свидетельством успехов Рима, а демонстрацией права сената определять, каким должно быть восприятие войн Рима в Городе даже в условиях отнюдь не единого общественного мнения.

105 г. ознаменовался катастрофой при Араузионе. С точки зрения рассматриваемых в книге вопросов, полагает Кларк, важнее не масштабы разгрома, а провальные действия командования. Это привело к беспрецедентно суровому наказанию военачальников — не только лишению империя, но и изгнанию. Своего рода идеологическим ответом на катастрофу стали история героической гибели Аврелия Скавра в плену у германцев и отказ от спасения Сертория в духе сюжета о Горации Коклесе — «контрнарратив» о достойном поведении отдельных римлян в противовес политической дезинтеграции, пример которой продемонстрировали Цепион и Маллий.

В первый день 104 г. Марий празднует триумф за победу в Югуртинской войне. В то же время после победы над тевтонами он откладывает декретированный ему триумф, справив его лишь после разгрома кимвров. Весьма интересно поведение Катула, в целом неудачно командовавшего в боях с германцами, — он опубликовал мемуары, в которых приписывал главную роль в битве при Верцеллах себе (первое в римской литературе произведение о столь ограниченном наборе событий) и освятил необычный храм *Fortuna Huiusce Diei* (по мнению Кларк, своего рода ответ на дедикацию Марием храма *Honos et Virtus*), а также портик на месте дома гракханца Марка Флакка, желая стереть память о нем (*Cic. Dom.* 114; по остроумному выражению М. Роллера, «триумфальный палимпсест»). Кларк усматривает в этом диалог с прошлым и его памятниками, в который каждый вкладывал свой смысл в зависимости от собственных воззрений. Записки Катула означали завершение эпохи, когда сенат мог контролировать военные нарративы, а отсрочка Марием триумфа над тевтонами положила конец предполагаемому контролю сената и нобилитета над тем, как следует преподносить победы и поражения, а заодно поставила под вопрос мудрость сената, декретировавшего триумф еще до окончания войны. Это свидетельствовало о все меньшей зависимости полководцев от оценки сенатом их успехов. Растет и роль народа: он добился назначения Мария, ибо ему был нужен не нобиль, а победоносный полководец, а позднее раз за разом избирал его консулом в надежде на будущие заслуги, с чем приходилось считаться *patres*, которые могли бы просто продлить ему полномочия⁵. Сам же арпинат отверг политическую стратегию *nobiles*, подчеркивая свой статус «нового человека». В то же время он не порывал с традицией, а претендовал на то, что является наследником доблестных предков, которых у него не было; его многочисленные переизобретения также находили примеры в прошлом, как то показывают примеры Сципионов Африканских.

Кризис конца II в., по мнению Кларк, объясняется не столько поражениями, сколько реакцией римлян на них (а также на победы). Происходило «постепенное смещение фокуса с коллектива на полководца как на главное действующее лицо повествования. Места для [других] людей в этой модели *nobiles* оставалось все меньше и меньше». Правильные с точки зрения сената принципы посвященных победам нарративов (*victory narratives*) забывались чем дальше, тем больше (с. 189–207).

В заключение автор признает, что «всякая дискуссия о травмирующем воздействии поражения в римском мире покоится или на предположениях, если говорить о Республике, или на ненадежных свидетельствах поэзии времени Августа и более поздних веков» (с. 208). Но ясно, что представления римлян о победе и восприятие ими поражения тесно связаны, так как победа являлась средством не допустить окончательного разгрома. Военные катастрофы служили символом стойкости римского народа и фоном для подвигов истинных героев. В сохранившихся фрагментах римской историографии II и начала I в. повествуется не о великих победах, а о поведении римлян в условиях неудач, будь то Канн или Араузион. «Конечно, всякая война должна была заканчиваться победой. Однако победа без ярких эпизодов, личного героизма, который компенсировал жестокость завоевания, была победой, лишавшей успех моральной силы в глазах тех, кто ее одержал. Поэтому поражение представляло собой неотъемлемую часть истории, которую писали римляне для себя в конце третьего и во втором столетиях; проблема в конечном счете состояла не в том, когда они проиграла, а что» (с. 213).

Этими словами завершается книга. Нельзя не признать, что автор проделала большую работу и выстроила довольно любопытную конструкцию. Прежде всего представляется весьма интересной и плодотворной идея (и подтверждающие ее примеры), что поражение воспринималось как веха на пути к победе и придавала последней особое звучание; содержательны наблюдения над отношением эллинов и римлян к памяти павших. Много верного и в мысли о том, что в первой половине II в. сенат проводил гибкую политику, нередко давая полководцам в случае поражения возможность взять реванш, а не отстраняя их от командования, но не раз отзывая тех, кто затевал ненужные войны, тогда как во второй половине столетия ситуация меняется. Однако Кларк слишком много внимания уделяет как причине такой перемены отношения к поражениям и цене победы, не учитывая, как представляется, должным образом того очевидного обстоятельства, что после разгрома

⁵ См. Meier 1988, 314 (эта книга в монографии Кларк не упоминается).

Македонии Риму просто уже некого было опасаться, а потому он мог позволить себе вести себя менее осторожно. Вызывает вопросы и тезис о том, что сенат после Ганнибаловой войны стремился декретировать триумфы только за победы, завершавшие войну. Строго говоря, такой вывод ни из чего не следует. Даже в годы Второй Пунической войны, когда имело место всего шесть триумфов⁶, один из них справили над Гасдрубалом, хотя боевые действия в Италии были далеки от завершения. В 190 г. этой чести удостоился Ацилий Глабрион за победы над Антиохом на Балканах, хотя bellum Syriacum также отнюдь не закончилась; в 184 г. отпраздновали триумф над кельтиберами и лузитанами Пизон и Криспин, а всего через четыре года только над кельтиберами — Фульвий Флакк. Да и вообще, если говорить об Испании, трудно было понять, закончилась там война или нет. В то же время формулировки всех этих триумфов различаются, в первой половине II в. мы находим всего один пример полного их совпадения: в 179 и 175 гг. триумфы de Liguribus Кв. Фульвия Флакка и М. Эмилия Лепида. Думается, что речь шла не о каких-то принципиальных установках, а о некоей моде — многим военачальникам не хотелось повторять предшественников, но некоторые, как видим, этой модой пренебрегали. О реакции современников на нее нам неизвестно — видимо, не имея серьезного общественного резонанса, она больше тешила самолюбие триумфаторов и их окружения.

Кроме того, маловероятно, будто Марий как-то унижил сенат или ослабил его влияние, отказавшись от триумфа над тевтонами до победы над кимврами — вряд ли такой отказ при всей его беспрецедентности мог быть расценен отрицательно, и охотно воспроизводивший суждения врагов Мария Плутарх наверняка не преминул бы упомянуть об этом.

Спорен и тезис о контроле сената за освещением военных событий вообще и ее описаниями в частности — мы не знаем случаев, чтобы сенат как-то реагировал на исторические сочинения. Трудно представить, чтобы он мог пресечь слухи — речь могла идти лишь о запрете их публичного распространения, но от толков это не избавляло. Кроме того, Кларк признает (однако не делает из этого должных выводов), что памятники в честь побед нередко сооружались не государством, а самими полководцами (с. 24—25). Нельзя согласиться и с тем, что к концу II в. полководцы всё меньше зависели от оценки своих заслуг со стороны patres, поскольку триумф сохранял в их глазах ценность, а декретировать его мог только сенат.

Одно из самых уязвимых мест книги — активное использование поздних источников для реконструкции общественных настроений, хотя ненадежность этих текстов для таких целей автор, как мы видели, прекрасно осознает. Так, уже приводилась оценка повествования об испанских войнах как весьма пессимистического, однако при этом не оговаривается, что речь идет о труде Аппиана, написанном через 300 (!) лет после событий. Рискованно реконструировать с той уверенностью, с какой это делает Кларк, и самопрезентацию Мария по Саллюстию и Плутарху, чьи сочинения на сей счет вряд ли достаточно надежны.

Трудно принять и многие суждения по частным вопросам. Например, сравнивая не раз переизбиравшегося в консулы Мария со Сципионами, Кларк забывает, что они добивались высшей магистратуры только дважды (причем второй консулат старшего Сципиона был сугубо законным), и упускает из виду куда более наглядные примеры — многократные консулаты Фабия Кунктатора, Клавдия Марцелла и Фульвия Флакка в годы Ганнибаловой войны (закон это не нарушало, но и традиции явно не соответствовало).

Неубедительно звучит и отрицание связи осуждения разбитого Вириатом Плавтия с его неудачей: процесс над ним «произошел в условиях римских побед над Карфагеном, в Македонии и Ахайе. Это совпадение позволяет думать, что раздражение, вызванное неудачами в Испании, не следует связывать с многочисленными неудачами на полуострове в конце 140-х и в 130-х годах, которые невозможно было предвидеть в 146 г. Скорее это раздражение имело много общего с теми факторами, которые обусловили разрушение Карфагена и Коринфа в 146 г.» (с. 156—157). Между тем соотношение судьбы военачальника и разрушенных римлянами городов представляется не вполне логичным, а ссылки на победы начала 140-х годов и невозможность предвидеть грядущие неудачи ничего не доказывают: в боях с лузитанами римляне уже к тому времени потерпели немало поражений, о чем Кларк прекрасно знает, да и неизвестно, при каких обстоятельствах был разбит Плавтий, а это могло сыграть немалую роль в его осуждении. Кроме того, автор забывает о таком немаловажном факторе, как незнатность Плавтия, что повышало его уязвимость в суде. Сомнительно и предположение о том, что Брут Галлекийский не справлял триумфа: это делали все обладатели официально присвоенных почетных агноменов⁷.

Трудно также принять оценку сюжета о спасении Сертория при Араузионе как одного из идеологических «ответов» на эту катастрофу и своего рода противопоставления «политической дезинтеграции»

⁶ Itgenshorst 2005, 212 (в Первую Пуническую войну — 16!).

⁷ Агномен Д. Брута засвидетельствован вполне надежно, см. Münzer 1918, 1024.

(ссора Цепиона и Маллия) — эта история получила известность явно как эпизод биографии ее героя, а не рассказа о войнах с германцами, и уж тем более в источниках она не рассматривается как какое-то противопоставление. Сомнительна и «очевидная связь» с сюжетом о Горации Коклесе (с. 196) — последний прикрывал отход товарищей, тогда как Серторий спасал только себя и свое оружие.

Наконец, есть упущения в использовании источников. Так, рассуждая о почитании памяти павших, Кларк забывает о самом знаменитом прозаическом ее памятнике — речи Перикла у Фукидида; упомянуты *dies attri*, но не сказано, что таковыми стали дни поражений под Каннами, Нуманцией (в 153 г.) и Араузионе⁸; ни слова не говорится о статуе Гостилия Манцина, изображенного в момент выдачи нумантинцам (Plin. *NH.* XXXIV. 18) — интереснейшем образце «реванша» побежденного врагами и отвергнутого согражданами военачальника; нечто символическое усматривается в том, что Метелл не смог взять Заму — город, рядом с которым Сципион разбил Ганнибала (с. 194), хотя речь идет явно о другой Заме (*Zama Regia*)⁹.

Все это, однако, не значит, что перед нами слабая работа. Хотя многое в ней слишком уж подчинено основным идеям автора, немало и частных недоработок, стиль нередко труден для понимания¹⁰, концепция автора, несмотря на ее спорность, безусловно, интересна, как и те вопросы, которые Кларк ставит, что не менее ценно, чем верные решения.

C. H. LANGE. *Triumphs in the Age of Civil War: The Late Republic and the Adaptability of Triumphal Tradition*. London — New York: Bloomsbury, 2016. XIV, 333 p.

Монография датского ученого Карстена Ланге, формально посвященная периоду гражданских войн, охватывает более широкий отрезок времени, затрагивая, и порой весьма подробно, события начиная со Второй Пунической войны и кончая правлением Августа. Автор отмечает, что при всем обилии исследований о триумфах очень мало учитывается влияние на них гражданской войны, чему препятствуют утверждения античных авторов, что триумфы за победы в *bellum civile* не полагались. Именно этот вопрос и намерен рассмотреть Ланге (с. 2).

Сами римляне, как показывает одно из писем Цицерона (*Att.* VI. 1. 17), были порой не слишком осведомлены о предках, подчас приписывали им «лишние» триумфы (Cic. *Brut.* 62) и т.д. *Fasti Triumphales*, наш важнейший источник по данной тематике, не являются фастами в строгом смысле слова, это скорее монументальный список триумфов — там содержатся сведения, для сугубо документального жанра лишние, как в случае с пропретором Цицерием, о котором сказано, что в свое время он был писцом (*scriba*). Валерий Максим, целый раздел своего труда посвятивший триумфам, не затрагивал событий после Катилины — очевидно, во избежание острых вопросов (с. 49–57, 97–98, 229–234, 249–250).

Как резонно замечает автор, правила триумфа вырабатывались постепенно и были весьма расплывчаты. Если, например, еще в 211 г. Клавдию Марцеллу запретили справлять триумф, поскольку при нем не было армии, то уже в 200 г. Фурий Пурпуреон в аналогичных условиях такое разрешение получил. Хотя упоминаемый Валерием Максимом (II. 8. 1) закон о даровании триумфа только за успешное сражение, где перебито 5000 врагов, и вызывает сомнения у историков, нечто подобное, видимо, все же существовало. Теоретически также считалось, что эта почесть может предоставляться лишь за оконченную войну, хотя бывали и исключения. Главную роль в вотировании триумфа играло, очевидно, не соответствие победы туманным правилам его предоставления, опиравшимся на толкуемый по-разному *mos maiorum*, а политические соображения (с. 27–35, 41–43, 73, 147–148, 217–221).

Важные новшества привнесла эпоха гражданской войны. Рассмотрев различные подходы к определению этой эпохи, Ланге предлагает именовать ее *prolonged civil war* и указывает, что со временем *bellum civile* становится «нормальной чертой» общественно-политической жизни. «Римлянам пришлось думать о том, как концептуализировать победы в гражданской войне в мире, где велась межгосударственные войны и существовала концепция «справедливой войны», логика которой исключала войну гражданскую. Ее ведение стало частью внутренней функции римского государства и восприятия римлянами обычного положения вещей (*normality*)» (с. 90). Оправдание войны с внешним врагом (привычное состояние Рима) постепенно превращается в оправдание войны с согражданами. И хотя за победу над ними триумф (как и орация) не полагался, полководец мог рассчитывать на него, если подавал свой успех как достигнутый в борьбе с иноземным неприятелем. Перемены в отношении

⁸ App. *Hisp.* 45; Gell. V. 17. 3–5; Plut. *Luc.* 27. 8–9; Macrobian. *Sat.* I. 16. 26.

⁹ Подразумевается будущая резиденция Юбы I (Gsell 1928, 198).

¹⁰ На это жалуется даже носитель языка М.П. Фронда, в целом, правда, оценивающий книгу положительно (Fronda 2016, 278).

этого отличия начинаются с эпохи Мария. Постепенно происходит монополизация высшего командования и права на триумфы, которые получали либо влиятельные полководцы (*dynasts*, как их называет Ланге), либо их сторонники. По-видимому, именно тогда берет начало и вотиrowание триумфа *in absentia*. Марий появляется в курии в костюме триумфатора — возможно, это право было даровано ему сенатом. В то же время Метелл Нумидийский за далекую от завершения войну получает не только триумф, но и почетный агнелен. Примечателен триумф Помпея Страбона (единственный за Союзническую войну) — он обозначен лишь как *de Asculaneis Picentibus*, нет каких-либо намеков на гражданский конфликт и на Италию — государство, созданное союзниками (с. 11, 23–27, 74–79, 83, 92 и др.; суждение странное, поскольку, что касается природы конфликта, то формулировки триумфа и раньше не включали ничего, кроме указания непосредственного врага, а упоминание Италии было бы неуместно в силу того, что успех Помпея носил хотя и важный, но локальный характер).

В отношении триумфа Суллы Ланге резонно отрицает, что это было лишь «дымовая завеса» празднования победы над согражданами, хотя при этом принимает версии, согласно которым намеки на *bellum civile* все же имелись (надписи, пояснявшие, что часть сокровищ доставлена из Пренесты, куда их увез Марий Младший, чье имя также упоминалось, и присутствие в свите Суллы бежавших от марианцев или изгнанных ими нобилей). Однако триумф справлялся именно над Митридатом, и изображений *oppida civium Romanorum* во время торжеств не проносили. Примечательно, что сенат не назначал в честь побед Суллы общественных молебствий (*supplicationes*). Отмечает Ланге и еще один момент: оснований для триумфа, учитывая весьма скромные результаты Первой Митридатовой войны, было явно недостаточно, но это не помешало отпраздновать таковой ни самом диктатору, ни его соратнику Лицинию Мурене в том же году после неудачной второй войны с Митридатом (с. 80–81, 101–103, 244–245, 252–253).

Немало нового привнес африканский триумф Помпея — формально над Ярбой Нумидийским, союзником марианцев во главе с Домицием Агенобарбом, с которыми прежде всего и велась война. Он не только праздновал его, будучи частным лицом, но и отказался распустить армию, как ему то приказывали, причем Сулла поначалу возражал против триумфа не потому, что фактически речь шла о гражданской войне, а потому, что Помпей командовал, оставаясь *homo privatus*. Второй, испанский триумф Помпей предпочел преподнести как празднование успеха над врагами внешними, по поводу чего высказывал сомнения Флор (III. 22. 1), но как воспринимали это современники, мы не знаем. Чтобы закрепить нужное впечатление, Помпей и в победной надписи (Plin. *NH*. VII. 96) упоминает о Сертории, что Плиний подчеркивает особо. Правда, в рассказе Плиния, как выражается Ланге, *civil war is not absent*, поскольку говорится о надписи в контексте окончания гражданской войны, что отражает представления времен Августа, тем более что лексика Плиния (*belloque civili... extincto*) напоминает лексику *RGDA* (34. 1: *bella civilia extinxeram*). По мнению Ланге, во многом подрывавшие традицию первый и второй триумфы Помпея стали в какой-то степени предшественниками африканского и испанского триумфов Цезаря (с. 105–107, 253–254).

Цезарь, хотя и не постеснявшийся признать, что обратился к войску, чтобы защитить себя, т.е. развязал гражданскую войну, в то же время не отослал сенату сообщения о битве при Фарсале, сделав это лишь после успехов в войне с Египтом и Понтом, и четверной триумф, как допускает Ланге, мог стать своего рода компенсацией за то, что Цезарь не праздновал фарсальскую победу. Вотиrowана эта почесть была, как и в случае с Марием, *in absentia*, причем в нарушение традиции демонстрировались картины с изображением гибели Метелла Сципиона, Катона, Петрея, что вызвало недовольство публики — возможно, из-за сохранявшихся симпатий к Помпею. Еще более откровенно повел себя Цезарь, отпраздновав триумф после Мунды, суть которого (победа в гражданской войне) не вызвала никаких сомнений несмотря на формулировку *ex Hispania* (предположительную, но достаточно вероятную). Кроме того, диктатор позволил справить триумфы не имевшим на это права легатам Педию и Фабию. Еще одним новшеством стала его орация в 44 г., которой не предшествовали война и победа. Возможно, именно тогда появилась практика въезда полководца в Город на коне, а не пешего вступления. Наконец, диктатор въехал в Рим через Капенские ворота, следуя, видимо, примеру Марцелла, который, предположительно, вступил через них с орацией после триумфа на Альбанской горе в 211 г. до н.э. (с. 107–111, 167, 254–256).

События после мартовских ид стали свидетельством отчаянного положения сената. Когда началась Мутинская война, направлявший политику сената Цицерон не выказал склонности к компромиссу. Оратор указывал на то, что хотя Антоний и его люди до сражения еще не объявлены *hostes*, дела их именно таковы, а победу над врагами, т.е. не гражданами (соответствующее решение сенат принял лишь после сражения под Мутиной), вполне можно праздновать, посему Дециму Бруту в нарушение всех традиций был вотиrowан триумф, а Октавиану — орация. Ланге подчеркивает, что дебатов сам факт таких почестей не вызвал и, похоже, никого не удивил, хотя это означало выход за пределы даже цезаревского триумфа после битвы при Мунде, являвшего собой, как уже

говорилось, неприкрытое торжество в честь победы над согражданами. Но в 45 г. речь шла о триумфе ex Hispania, теперь же, очевидно, ex Italia или по крайней мере ex Gallia, хотя статус Цизальпинской Галлии к тому времени уже изменился (впрочем, из-за скорой гибели Брут так и не смог насладиться оказанными ему почестями). Октавиан отказался от овации, но не потому, что считал неуместным повод для нее, а потому, что полагал себя достойным триумфа, которого чуть позже и потребовал (с. 86–90, 111–114, 127–128).

Тогда же, в 43 г., произошел еще один любопытный инцидент — триумф в честь Марка Эмилия Лепида и общественные молебствия за переговоры с Секстом Помпеем, из чего Ланге делает вывод, что официально причиной триумфа объявлялось умиротворение Испании, хотя и признает, что в действительности речь могла идти о каких-то неизвестных нам победах. Он также задается вопросом, почему не получил в таком случае аналогичной почести и Секст Помпей, и приходит к выводу, что либо последний считался лишь врагом, которого приходилось до поры до времени терпеть, либо триумф Лепиду (ex Hispania!) дали только после побед над испанцами. Но в целом по пути сената, слишком явно нарушавшему традицию, триумвиры не пошли. Вместо этого они предпочли в 40 г. справить овацию после Брундизийского соглашения за то, что им удалось избежать новой гражданской войны (в действительности эта заслуга принадлежала легионам, отказавшимся сражаться за личные интересы своих полководцев). По мнению Ланге, образцом здесь послужила овация Цезаря 44 г., который справил ее, не одержав предварительной победы, здесь же прецедент был «творчески» развит — поводом для торжеств стало предотвращение новой *bellum civile* и тем самым обеспечение мира. Кроме того, подобно Цезарю, триумфаторы вступили в Рим через *Porta Capena* (с. 65–66, 83–86, 114–115, 238–239, 245–246, 257–258).

В 36 г. до н.э. последовала овация Октавиана ex Sicilia, т.е. в честь разгрома Секста Помпея, однако врагами, над которыми одержана победа, объявили пиратов и рабов, хотя, например, Цицерон, перечисляя успехи Помпея-отца, туманно говорит о *navale bellum* (*De imp. Pomp.* 28). Однако триумф за удачный исход в гражданской войне выглядел бы слишком грубым нарушением традиций, тогда как за усмирении пиратов и рабов можно было в соответствии с обычаем получить овацию — при оправдании войны они заняли место вражеских держав. Кроме того, такие не вполне «настоящие» враги позволяли принизить, «дегуманизировать» образ главного неприятеля — Секста Помпея. Правда, самой войне, видимо, дали название не *servile* и *piraticum*, а *Siculum*. Именно тогда Октавиан впервые заявил об окончании гражданской войны. Тогда же прозвучала фраза *rase parata terra marique*, которая станет центральной в мифологии Актийской битвы; прозвучит она и в описании Титом Ливием (XXX. 45. 1) триумфа Сципиона Африканского за победу над Ганнибалом (с. 5, 117–121, 259–262).

И, наконец, тройной триумф Октавиана в 29 г. до н.э., дарованный ему сенатом, как и все другие (равно и овации), *in absentia* (с. 147). Битва при Акции рассматривалась как победа и в гражданской, и во внешней войне, хотя обычно считается, что ее преподносили лишь как вторую. Бесспорно, проведя процедуру объявления войны с участием фециалов, Октавиан формально избегал начала новой *bellum civile*. Однако помогавшие Клеопатре римляне автоматически становились изменниками, да и сам принцепс никогда не отрицал, что вел борьбу также и с Антонием. Дион Кассий (L. 40. 5) подчеркивает, что на деле именно ему, а не Клеопатре была объявлена война; сенат лишил триумвира всех полномочий, превратив его тем самым в *homo privatus*, но не объявив при этом *hostis*. Что же касается самой церемонии, то Антоний во время процессии представлен не был. Октавиан же, хотя это и несколько странно, вступал в Рим, возможно, каждый день празднеств, а некоторые сопровождавшие его сенаторы — дважды. От последующих триумфов Август отказывался, чтобы сохранить уникальный характер торжеств 29 г. до н.э. А через десять лет триумфы становятся привилегией лишь представителей императорской фамилии (с. 71, 94, 159–161, 167).

Победа при Акции была увековечена и в камне (Никопольский монумент). Любопытно, однако, что на нем нет не только Антония, но и Клеопатры, не упоминается о них и в надписи на памятнике. Казалось бы, что мешало назвать врага в Греции, где установлен памятник? Однако, судя по надписи на латинском языке и тому, что о монументе хорошо знали в Вечном городе, адресован он был именно римлянам. Впрочем, то же мы наблюдаем и в письме принцепса самосцам (т.е. эллинам), где говорится о поддержке афродисийцами Октавиана в некоей войне (с кем — все прекрасно понимали)¹¹. В 312 г. н.э. Константин не постеснялся отпраздновать триумф за победу над Максенцием и даже изобразить его на триумфальной арке, но... не назвать по имени, в чем Ланге усматривает не забывчивость, а стремление принизить побежденного. В эпоху *bella civilia* поступали тоньше, не изображая недруга, но подразумевая его. Это общий образец для эпохи Поздней Республики и Константина, когда в центре оказывался неназванный враг, что подразумевало ситуацию гражданской войны (с. 141–153, 267–270).

¹¹ Речь о вторжении Лабиена в 40 г. (Badian 1984, 166).

Любопытно, что в *fasti municipales* о победах времен гражданской войны сообщалось куда откровеннее, чем в *Fasti Triumphales*. Например, в Аматернских фастах (как отмечает автор, хронологически небрежных) без обиняков сообщается о разгроме при Филиппах Брута и Кассия, в Перузинской войне — Луция Антония, а в Актийской — Марка. Перед нами не образец пропаганды Августа, а результат более прямолинейного осмысления и отображения случившегося на местах (с. 133—139, 266—267).

Происходит любопытное переосмысление триумфов на Альбанской горе. В свое время они были альтернативой «правильному» триумфу и справлялись без одобрения сената. По мнению автора, религиозное и политическое значение этого мероприятия усиливало то обстоятельство, что на Альбанской горе проводились Латинские игры. Легитимность таких триумфов оставалась во времена Республики под вопросом, однако после установления принципатства стали соотноситься с августовой идеологией мира после победы, ибо вражда (возможно, со времен Тарквиния Суперба) на время праздника отлагалась, и акцент на *rax deorum* как символ окончания являлся сильным идеологическим оружием Цезаря и Августа (с. 63—65, 67—69, 236—239).

Отказавшись после 29 г. до н.э. от триумфов (то же делал и Агриппа), Август тем не менее старался представить свои торжественные въезды в Рим подобием триумфа. Как и во время орации 40 г. до н.э., он въезжал в Рим через *Porta Capena*, напоминавшими о вероятном вступлении в Рим с орацией таковыми почитаемого героя древности, как Марцелл. Своего рода альтернативой триумфу являлось закрытие храма Януса, которое перестало производиться после 16 г., когда принцепс уже не командовал войсками лично. Не раз на пути его следования располагался Алтарь мира. «Алтари были субститутами традиционного ритуала возвращения римского магистрата, включая триумф, и ассоциировались с пересечением померия, перехода от *militiae* к *domi*, от войны к миру. Они представляли собой результат отказа Августа от триумфов, но в то же время алтари, как и храм Януса, стали символами нового предназначения принцепса — умиротворения» (с. 170). Любопытно, что *Ara Pacis* располагался на Марсовом поле, посвященном богу войны, которое становится символом мира, наступившего после побед Августа. Его мавзолей — своего рода ответ на «неримские» устремления Антония, желавшего быть похороненным в Александрии. Со временем принцепс отказался даже от устройства многочисленных встреч при въезде в Рим, но и теперь тема триумфа занимала важное место в идеологии режима — его напоминала церемония последнего въезда Друза (уже мертвого) в Рим, да и похороны самого Августа. Сам он, подытоживает Ланге, по-новому определил характер и назначение триумфа и одновременно положил начало выработке церемонии *adventus* принцепса (с. 67, 165—170, 239—240, 278—281).

Такова концепция Ланге. Надо признать, автор проработал большой материал — как источниковый, так и историографический. Несомненно, наблюдения исследователя, особенно в отношении эволюции триумфа (монополизация права на получение и предоставление триумфа, его заочное дарование, тема триумфов и гражданской войны в муниципальных фастах и др.) представляли большой интерес. В то же время автор, как кажется, порой некритически воспринимает данные античных авторов. Мы практически лишены возможности узнать, что думали те, кто непосредственно наблюдал за триумфами, наши сведения на сей счет восходят к весьма поздним источникам, как, например, с африканским триумфом Цезаря, о реакции на который мы читаем лишь у Аппиана, причем неясно, чью точку зрения он отражает — своего информатора и нескольких его друзей или действительно значительной части публики. Ланге (и не только он) убежден, что триумф Цезаря в 45 г. был совершенно очевидным празднованием победы над согражданами, хотя и назывался *ex Hispania*, тогда как триумф Суллы, несмотря на прозрачные намеки на *bellum civile* в ходе процессии, таковым не являлся. Нельзя не согласиться с общим выводом автора в отношении победных торжеств Суллы, но непонятно, как быть с этими намеками. Строго говоря, в источнике (Plin. *NH*. VII.96) не сказано, упоминалось ли в пояснительной надписи (*titulus*) имя Мария Младшего и то, что сокровища возвращаются из Пренесты в храм Юпитера Капитолийского (во время триумфа над Митридатом это выглядело бы в высшей степени странно) или речь шла лишь об указании количества демонстрируемых сокровищ. Что же до изгнанников, то вряд ли в толпе, кроме их близких друзей и родственников, кто-то особо обращал внимание на то, что в свите Суллы немало изгнанных марианцами людей или бежавших от них: изгнанником до недавнего момента являлся и сам диктатор, и весь его штаб. Не вполне ясна ситуация и с африканским триумфом Помпея — Ланге пересказывает на сей счет Плутарха, несколько не сомневаясь в достоверности его сообщения. Между тем хотя Помпей не занимал магистратур, на тот момент он являлся пропретором (*Gran. Lic. 31 Fl.*)¹² и потому необходимым для триумфа империем обладал, возраст же его, о котором как о неподобающем для триумфатора говорит Сулла у Плутарха (*Pomp. 14.5*), значения не имел, особенно в условиях гражданской войны, когда совершались и куда

¹² Несомненно, при поддержке Суллы (Gelzer 1973, 39).

более грубые нарушения традиции; само по себе наделение не занимавшего никаких магистратур частного лица пропреторскими полномочиями было выходом за рамки традиций ничуть не меньшим, чем дарование ему триумфа. Кроме того, диктатор выдал за Помпея собственную падчерницу¹³, вводя его тем самым в свой ближайший круг. Поэтому историчность возражений Суллы против триумфа зятя отнюдь не очевидна. Непонятно также, насколько достоверны сведения Аппиана об изображениях сцен самоубийств видных помпейцев, пронесенных во время африканского триумфа Цезаря, и о возмущении народа — Цицерон на сей счет хранит молчание¹⁴, но даже если это и правда, мы не знаем, насколько выразительны были упомянутые изображения и какова была реакция публики *en masse*, а не только недругов Цезаря. Все это заметно затрудняет ответ на вопрос о влиянии гражданской войны на триумфы, стоящий в центре книги.

Спорно звучат некоторые суждения по частным вопросам. Так, на с. 74 утверждается, будто после побед Мария над Югуртой и германцами воины ждали земли и вообще стали более зависимы от полководцев. Тезис широко распространенный, но вряд ли убедительный — Марий в целом не смог провести в жизнь земельный закон Сатурнина¹⁵, что вряд ли увеличило зависимость солдат от военачальников. На с. 123 мы читаем, что принцип, согласно которому за победу в гражданской войне право на триумф не даруется, мог появиться лишь в I в. до н.э., когда начались *bella civilia*. Было бы крайне странно, если бы произошло иначе. Нельзя также не заметить, что автор порой злоупотребляет повторением одних и тех же тезисов¹⁶. Наконец, в указателе мы не найдем ни Метеллов, ни Марка Брута, ни Кассия Лонгина, ни многих иных деятелей, чьи имена мы встречаем в книге.

Однако недостатки монографии отнюдь не перевешивают ее достоинств. Она позволяет представить себе эволюцию триумфов Поздней Республики, а также их восприятия как тогда, так отчасти и в последующие времена и является значительным вкладом в изучение политики и идеологии эпохи гражданских войн и принципата Августа.

Литература / References

- Badian, E. 1984: Notes on some documents from Aphrodisias concerning Octavian. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 25.2, 157–170.
- Evans, R.J. 1994: *Gaius Marius: A Political Biography*. Pretoria.
- Fronza, M.P. 2016: Rev.: J.H. Clark. Triumph in Defeat. Military Loss and the Roman Republic. Oxford, 2014. *Journal of Roman Studies* 106, 277–278.
- Gelzer, M. 1973: *Pompeius*. München.
- Gsell, S. 1928: *Histoire de l'Afrique du Nord*. T. VII. Paris.
- Itgenshorst, T. 2005: *Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik*. Göttingen.
- Meier, Chr. 1988: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Wiesbaden.
- Münzer, F. 1918: Iunius (57). In: *RE*. Hlbd. 19, 1021–1025.
- Voisin, J.-L. 1983: Le triomphe africain de 46 et l'idéologie césarienne. *Antiquités africaines* 19, 7–33.

Anton V. Korolenkov,

А.В. Короленьков,

State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia

к.и.н., доцент Государственного
академического университета гуманитарных наук,
Москва, Россия

E-mail: sallust@list.ru

¹³ Plut. *Pomp.* 9. До или после африканской кампании Помпея (это неизвестно) — для данного вопроса не столь важно.

¹⁴ В то же время Цицерон (*Off.* II. 28) выражает возмущение триумфом над союзной Риму Массалией (Voisin 1983, 15).

¹⁵ Cic. *Balb.* 48; Evans 1994, 121–122 с указанием литературы.

¹⁶ О вступлении Марцелла в Рим через Капенские ворота (с. 66, 163, 166), об отсутствии споров в связи с вотированием триумфа Д. Брута (с. 87, 90, 113), об отказе Августа от триумфов ради сохранения уникальности триумфа 29 г. до н.э. (с. 94, 159, 167), и др.